

ложных авторитетов не безобидна: разум бездействует, право не решает, закон бессилён, нет места ни велению неба, ни велению природы, искажается облик вещей, извращается порядок, властвует порок, гибнет добродетель, царит ложь, а истина бездыханна (там же). Это ли не томление по изначальному, а ныне извращенному божественному порядку, который видел за очевидной повседневностью не глазом, но оком францисканец Роджер Бэкон в фаворском свете божественной истины?!

Было бы, однако, жаль в столь внешне традиционалистском обороте дела проглядеть прямые упования на *авторитет человеческий*, основанный на «лучших суждениях мудрых» (там же).

Посмотрим теперь, на чем зиждется *бэконовский разум*. Прежде всего он научный и только потому здравый. *Математика, оптика, опытная наука* — незыблемый *trivium* Роджера Бэкона.

Четвертая часть «Большого сочинения» обосновывает силу математики в науках и мирских делах. Здесь нет, или почти нет, ссылок на Священное писание. Зато есть ссылки на языческие авторитеты и их сочинения, мудрость которых открывается только знающим языки. Это «Вторая аналитика» Аристотеля, Евклидовы «Начала», «Тускуланские беседы» Цицерона, «Естественная история» Плиния Старшего, астрологические штудии Птолемея, астрономические сочинения араба Альбумазара, медицинские трактаты таджика Авиценны. Не забыты и современники: Роберт Линкольнский (Гроссетет), Адам из Марча, Пьер из Марикура. Авторитет Священного писания есть авторитет, обосновывающий изначальное; он совпадает с основанием. Следствия же, куда более важные в прикладных делах, зиждутся на человеческом авторитете разума. Преуспевание в постижении абсолютной мудрости также невозможно без опоры на авторитеты человеческие.

Математика — врата и ключ к знанию. Она подготавливает душу и возвышает ее. Можно подумать, что с нами говорит и в самом деле наш почти современник — Френсис Бэкон, например.

Математика — и метод, и инструмент. Она вносит порядок в первоначальное знание, лишённое порядка; завершает это знание, делает его цельным. Далее следуют исчерпывающие доказательства необходимости математики. Причем этих доказательств два. Одно — с помощью ссылки на языческие авторитеты; второе — «разумными основаниями». Самое разделение аргументации на два доказательства свидетельствует о том, что авторитет — это авторитет, а разум — это разум. Они разведены в деле, хотя и отождествлены в сиянии одной-единственной, божественной, истины.

Какие же разумные основания приводит Бэкон в пользу математики как всеобщего инструмента познания? Этих оснований восемь. Во-первых, все прочие науки пользуются математическими примерами. Во-вторых, «математические знания как бы прирождены нам» — они от бога. В-третьих, математика — очень древняя наука (от Адама и Ноя). В-четвертых, математика — самая легкая наука, а «для нас естествен путь